

ПЕТЕРБУРГСКІЯ

ДАЧИ

И

ДАЧНИКИ.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1867.

18.232.6.225

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ДАЧН

И

ДАЧНИКИ.

~~-----~~

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1867.

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 11-го
іюня 1867 года.

Типографія А. П. Червякова. Семеновскій полкъ
Мошайская ул., домъ № 47.

I.

НОВАЯ ДЕРЕВНЯ.

Едва только Петербургскія улицы очистились отъ снѣга и Иванъ Ивановичъ Излеръ извѣстилъ публику о началѣ лѣтняго сезона, совсѣхъ сторонъ Петербурга — несмотря ни на холодъ, ни на отсутствіе правильнаго лѣтняго сообщенія съ дачами — вереницы возовъ съ мебелью и разною домашнею рухлядыю потянулись по направлевію за городъ.

Обычные новодеревенскіе дачники, — забывъ простуды, флюсы и другія болѣзни, которыя — благодаря сырости и холоду картонныхъ домиковъ, носящихъ названіе дачъ —

приходилось испытывать въ предъидущіе годы, — двинулись первые.

Близость разстоянія Новой деревни отъ города, легкій и дешевый способъ сообщенія а главное, ни чѣмъ и ни кѣмъ незамѣнимый Излѣръ, привлекаютъ сюда, по вечерамъ, безчисленное множество горожанъ и обитателей смежныхъ дачъ; поэтому Новая деревня извѣстна большинству жителей Петербурга.

Главное отличіе Новой деревни отъ другихъ дачъ, какъ всякому извѣстно—изобиліе пыли, грязи и камелій, но, кромѣ этого, она имѣетъ много и другихъ характерныхъ чертъ,—въ ней найдется не мало и темныхъ уголковъ, существованіе которыхъ съ перваго взгляда незамѣтно.

Новую деревню, по характеру ея дачниковъ, можно раздѣлить на три части: Первая — городская часть, это часть торговая, въ ней помѣщаются лавки всевозможными продуктами, трактирныя, питейныя и увеселительныя заведенія, здѣсь же

встрѣтите множество разнаго рода торговцевъ — разносчиковъ.

Вторая часть — собственно Новая деревня. Часть эту, по громадному количеству живущихъ въ ней нѣмцевъ, справедливѣе бы было назвать именемъ какой нибудь нѣмецкой колоніи. Русскій языкъ здѣсь рѣдкость и, несмотря на то, что есть нѣсколько отважныхъ русскихъ, поселившихся здѣсь, но они, задавленные массою нѣмецкаго населенія, незамѣтны.

Русскіе, живущіе въ Новой деревнѣ, большею частію холостые люди, разнаго возраста и званія, ищущіе возможности какъ нибудь разнообразіе убить лѣто. Игнорируемые прекраснымъ и непрекраснымъ поломъ нѣмцевъ, они находятъ единственное удовольствіе, проводя вечера въ третьей части Новой деревни, носящей названіе »Жидовскаго квартала.»

Преданіе говоритъ, что въ прежніе годы все еврейское населеніе Петербурга на лѣто

перебиралось сюда, теперь же осталось одно только названіе, жидовъ-же (евреевъ) можно встрѣтить здѣсь въ такомъ-же количествѣ, какъ и всюду, и часть эту скорѣе слѣдовало бы назвать кварталомъ камелій, такъ какъ она, въ настоящее время, преимущественно населяется погибшими но милыми созданіями, съ ихъ матронами.

Времяпровожденіе и образъ жизни Новодеревенскихъ дачниковъ такъ же различны, какъ и самые дачники. Обитательницы собственно Новой деревни, нѣмки, — въ то время, когда ихъ супруги, съ грошовой сигарой въ зубахъ, просиживаютъ цѣлые часы за кружкой пива, — съ засученными рукавами и съ раскраснѣвшимися отъ жару лицами, возятся около плиты, ворча на кухарку за дорого заплаченную луковицу и браня супруговъ за излишнюю любовь къ пиву и сигарамъ. Юныя дщери ихъ, въ это время, на разстроенныхъ фортопіано, играютъ какой нибудь допотопный нѣмецкій вальсъ, мысленно переносясь къ прошлой зимѣ, и вспоминая, какъ тогда-то и тамъ-то

отплясывали онѣ, подѣ звуки этаго вальса, какѣ кавалерѣ пожималѣ руку и нашептывалѣ любезности; «вотѣ еслибѣ выйдти за него замужѣ» — такѣ заканчиваютѣ обыкновенно свои мечты юныя нѣмочки.

Наблюденія, надѣ юнымѣ прекраснымѣ поломѣ новодеревенскихѣ нѣмцевѣ, привели меня къ убѣжденію, что Новодеревенскій воздухѣ производитѣ на нихѣ, какое-то, особенное вліяніе, — подышавѣ имѣ (пылью), онѣ рѣже начинаютѣ вздыхать и заглядываться на луну; ихѣ единственною мечтою и цѣлью жизни становится замужество.

Вечеромѣ — папеньки, предварительно уснуvѣ послѣ обѣда и прохладившись приличнымѣ количествомѣ пива, а маменьки и дщери, вымыvшись и принарядившись — выходятѣ на линію и, большею частію, молча, по парно разгуливаютѣ, озирая проходящихѣ.

Вѣ это время вѣ жидовскомѣ кварталѣ кипитѣ жизнь и веселье. Обитательницы

квартала, смѣшавшись съ русскими дачниками и прїѣзжими горожанами, съ громкимъ говоромъ и смѣхомъ, снуютъ по всѣмъ направленіямъ. Здѣсь русской натурѣ есть гдѣ разгуляться; всѣ чувствуютъ себя какъ дома, — поютъ, шумятъ, кричатъ и подсмѣиваются надъ щепетильными сосѣдями.

«Элизіумъ» — нѣмецкій ресторанъ и «фонарики» — техническое названіе виноторговли, въ жизни Новодеревенскихъ дачниковъ играютъ не послѣднюю роль; они не разъ были свидѣтелями столкновенія двухъ національностей; не разъ они видали, какъ подгулявшіе нѣмцы, освободившись отъ вліянія своихъ милыхъ половинокъ, за батареей бутылокъ пива и иныхъ питій, дружно чекались съ русскими и всѣми мѣрами старались доказать вновь присвоенный себѣ эпитетъ «широкихъ натуръ».. Въ такомъ настроеніи духа, подчасъ, и они непрочъ забраться въ жидовскій кварталъ, попѣть, покричать и тому подобное. Но, увы! эти случайныя отклоненія, отъ обыденной нормы жизни, стоятъ имъ не дешево. Разъяренныя нѣмки встрѣчаютъ

своихъ подгулявшихъ нѣмцевъ съ сжатыми кулаками и, укладывая ихъ спать, дѣйствуютъ обыкновенно такъ энергически, что, право, остается только удивляться почему женщины, досихъ поръ, считаютъ существами нѣжными и слабыми. Уложивши своего супруга въ трехъэтажную постель, нѣмка, продолжаетъ ругаться. Примиреніе, обыкновенно слѣдуетъ утромъ, когда нѣмецъ успеетъ проснуться.

Жизнь обитательницъ Жидовскаго квартала идетъ шиворотъ на выворотъ: днемъ онѣ спятъ, ночью разъѣзжаютъ по разнымъ увеселительнымъ заведеніямъ. Большинство ихъ встрѣтите и на «минерашкахъ»; здѣсь онѣ разодѣты въ пухъ и прахъ, тинно, расхаживаютъ по аллеямъ сада или скромно усѣвшись, съ какимъ нибудь «душкой», морщатся надъ бокаломъ шампанскаго. Позже, встрѣтите ихъ же порхающими по залѣ Chateau des fleurs; здѣсь онѣ какъ бы перерождаются, въ залѣ раздается ихъ веселый говоръ и смѣхъ, — куда дѣвались степенный видъ и важная осанка, здѣсь онѣ не морщась пьютъ и пиво, и коньякъ.

Въ то время, когда одни изъ обитательницъ жидовскаго квартала разгуливаютъ на минерашкахъ, другія, менѣе шикарныя, но болѣе практичныя, отправляются на Крестовскій островъ погулять и покутить съ подгулившими купчиками и прикащиками, третія же, самыя бѣдненькія, обрѣченны на безконечныя прогулки по Новой деревнѣ.

Если вы когда либо посѣщали Петербургскіе танцклассы, то непременно должны знать одну изъ героинь этихъ танцклассовъ—Катю, большинству извѣстную подъ именемъ чижика. Это дѣвочка всегда веселая, беззаботная; она представляетъ особый типъ камеліи, типъ встрѣчающійся весьма рѣдко.

Неумолкаемая болтовня, звонкій, веселый смѣхъ, наивные разговоры, заставляютъ cadaго забыть, что передъ нимъ камелія. Вы видите въ ней рѣзваго, но хитраго ребенка, съ которымъ и сами не прочь пошутиться, котораго готовы забавлять покупкою конфетъ и игрушекъ.

Почему она сдѣлалась комедіей? я незнаю, да едвали знаетъ это и она. Профессія комедіи для ней не ремесло, — въ которомъ бы она видѣла средство къ жизни, или возможность, ничего не дѣлая, богато жить и хорошо одѣваться, — ей просто нравится, что за ней ухаживаютъ, что надъ ней нѣтъ никого, кто бы могъ ей запретить танцовать и веселиться сколько ей хочется. Это ребенокъ, который, едвали даже, понимаетъ насколько онъ унасъ въ глазахъ общества, выбравъ себѣ такую профессію.

Она у Излера.

Веселый смѣхъ ея раздается по аллеямъ сада; ее несмущаютъ поддѣльно серьезные, солидные лица ея подругъ по профессіи; она и здѣсь шумитъ и распѣваетъ, какъ и всюду.

За ней ухаживаютъ два господина. Одинъ — это тотъ самый ловеласъ, котораго можно встрѣтить и на минералкахъ и въ Chateau des fleurs и во всѣхъ спеціально-увеселительныхъ заведеніяхъ. Гдѣ подѣ

конецъ вечера, раздается его громкій голосъ. Но теперь у этаго господина наружность еще довольно благопристойна; на солидномъ брюшкѣ красуется массивная золотая цѣпь.

Другой, ухаживающій за Катей—молодой человѣкъ, съ помятой физіономіей, но съ черными глазами и другими атрибутами, такъ называемой, красоты.

Пожилый господинъ необыкновенно юрко семенитъ ногами и сладострастно сжимаетъ Катину руку... Молодой человѣкъ держитъ себя съ большимъ достоинствомъ и не только не заглядываетъ въ глаза красавицы, съ задскивающей улыбкой, но даже не ведетъ ее подъ руку и отвѣчаетъ только на вопросы, отвѣчаетъ отрывисто безъ ласкательствъ.

— Отъ чего это, у васъ такой животъ большой? вы бы корсетъ носили, смѣется Катя, обращаясь къ толстяку.

— Корсетъ? избави боже! томно отвѣчаетъ онъ кося глазами.

— А, какія здѣсь бомбоньерки!.. душка, это настоящія французскія....

— Нѣтъ здѣсь бомбоньерки не такъ хороши. Вотъ у Рабонъ, я вамъ скажу, бомбоньерки, такъ бомбоньерки.!

— И это вамъ не совѣстно отговариваться. Въ наказаніе идите-же и принесите мнѣ самую большую.

— Слушаю! скаля зубы отвѣчаетъ волокита, который успѣлъ уже порядочно потратиться въ этотъ вечеръ, ухаживая за Катей и угощая ее и, приглашеннаго ею, молодого человѣка.

Бомбоньерка была принесена; Катя забывала угощать и своего черноглазаго, молчаливаго кавалера.

— Знаете что, заговорила Катя,—вѣдь вы соврали, ей богу соврали, что будто у Рабонъ есть бомбоньерки лучше здѣшнихъ.

— Нѣтъ, какъ благородный человѣкъ!

— Ну, ну, ну! знаю. Сознайтесь: вы со-
обрали, чтобъ отдѣлаться отъ меня. Да?

— Никогда! никогда!

— Нѣтъ не вѣрю вамъ.... съѣздите въ
городъ, увѣрьте меня.

— Катя! я другой разъ тебѣ привезу.

— Вотъ тебѣ разъ! Нехочу и этого; и
хочу сейчасъ же. Вы съѣздите, привезите,
а я васъ здѣсь подожду...

— Теперь поздно.

— Ну и мнѣ тоже поздно... Этого нехо-
тите сдѣлать! Такихъ пустяковъ услу-
жить!—восклицаетъ Катя, сердито топая
ногою и вырывая руку отъ своего поклон-
ника.

— Ну, ну-полно Катя—и поѣду... Я сей-
часъ возвращусь.

— Поскорѣе!...

Ловелась съ солиднымъ брюшкомъ уѣзжаетъ... Катя раздражается звонкимъ хохотомъ, молодой человекъ вторитъ ей.

— Слава богу, отдышалась! произносятъ она смѣясь.

Было уже часа два ночи; коренные обитатели Новой деревни давно уже спали, только въ жидовскомъ кварталѣ и у Излера были шумъ и движеніе.

Жандармы громко выкликали экипажи; у пристани, разводи пары, готовился къ отправкѣ пароходъ, и съ Строгановскаго моста несея какой то несмолчаемый гулъ, отъ проезжавшихъ экипажей. На второй линіи Новой деревни, въ одномъ домикѣ, всѣ окна были освѣщены и обитатели его, не обращая никакого вниманія на темный, превосходный вечеръ, размястились во кругъ зеленого стола, гдѣ были заложены банкъ. На полу стояли батареи бутылокъ; въ комнатахъ было накурено до того, что, по русской пословицѣ, хоть топоръ повѣсь, и безпрестанно разда-

вались возгласы: Угодъ!... Транспортъ!... Транспортъ съ кушемъ!.. На пе!.. Громче всѣхъ кричалъ молодой человѣкъ лѣтъ 27-ми. Большинство игравшихъ называло его Ваничкой. Онъ проигрывалъ и страшно горячился.

Личность эта можетъ служить типомъ извѣстной части Петербургской молодежи, а потому я считаю излишнимъ сказать объ немъ нѣсколько словъ.

Иванъ Васильевичъ Н., или, какъ его чаще называютъ, Ваничка можетъ служить самымъ лучшимъ представителемъ категоріи беззаботныхъ и ни на что необращающихъ вниманіе людей, въ жизни которыхъ небываетъ ничего особенно замѣчательнаго. Они преимущественно эксплуатируются другими, и вотъ, въ большинствѣ случаевъ, какъ происходитъ эта эксплуатація.

Ваничка промотавшійся сынъ довольно богатыхъ родителей, въ настоящее время пролетарій, богатый долгами и надеждою на

скорую смерть богатаго и стараго дѣда, котораго онъ единственный наследникъ. Этою надеждою живетъ и онъ, и безчисленное множество его кредиторовъ.

— Научите, гдѣбы достать сегодня денегъ? спросилъ однажды Ваничка, одного изъ своихъ пріятелей.

— Ну, ужъ этаго-то незнаю, отвѣчалъ тотъ.

— Вы кажется знакомы съ Нюнинымъ, онъ говоритъ мастеръ доставать деньги; поѣдемте къ нему, — познакомте меня съ нимъ.

И недождавшись отвѣта Ваничка началъ одѣваться.

— Ъдемъ, сказалъ онъ одѣвшись.

Нанявъ, въ счетъ будущихъ благъ, первую попавшуюся карету, пріятели отправились.

Нюнинъ принадлежалъ къ разряду тѣхъ людей, которые — говоря, что умные люди созданы жить на счетъ дураковъ — считаютъ

все позволительнымъ. Онъ встрѣтилъ притѣвлявшихся очень любезно, и когда Ваничка, отрекомендовавшись ему, объяснилъ цѣль своего пріѣзда.

— Попробуемъ, отвѣчалъ — подумавши. Только нынче деньгами трудно достать, — можно товаромъ.

Для Ванички все равно было, чѣмъ бы невзять.

— Сколько вамъ нужно?

— Чѣмъ больше, тѣмъ лучше — отвѣчалъ Ваничка.

— Тысячи будетъ?... такъ пишите вексель; только нужно дублировать, а завтра заѣзжайте, я похлопочу.

Явился вексельная бумага и вексель въ двѣ тысячи былъ написанъ. Но Ваничкѣ нужны были деньги тотъ часъ же; у Юинина наличныхъ небыло и онъ предложилъ вмѣсто денегъ акцію, какого-то порибѣлаго общества, въ пятьсотъ рублей.

— Съ пуда покупають ихъ нынче, за-
смыавшись, сказалъ Ваничка, но все таки
акцію, послѣ небольшого торга, взялъ и вы-
далъ за нее веесель въ триста рублей.

Долго потомъ разъѣжалъ Ваничка, ста-
раясь сбыть акцію, наконецъ ему удалось
заложить ее какой то барынѣ за сто рублей.
Ваничка торжествовалъ.

— Теперь къ Излеру, командовалъ онъ
кучеру.

У Излера пошло разливное море.

Посидѣвъ, пріятелн отправились на Кресто-
вскій. Для разнообразія, — какъ объяснилъ
Ваничка.

На Крестовскомъ, неистово поаплоди-
ровавъ какой то вульгарной пѣсенкѣ, ка-
кого то доморощенного комика, Ваничка
очутился въ кругу артистовъ. Онъ былъ въ
восхищеніи отъ пѣсенки и поилъ исполни-
теля не наживотъ а насмерть.

— Въ chateau des fleurs, сказалъ онъ
кучеру вышедши изъ вокзала.

Здѣсь Ванюшка былъ какъ дома. Всѣ ему были знакомы. Небыло камеліи которая бы неподошла къ нему и незаговорила; одна проситъ: «купи апельсинъ» другая—«угости ужиномъ» и Ванюшка, съ свойственною русскому щедростію, ни кому не отказывалъ.

Такъ ежедневно проводитъ время Ванюшка, такъ проводитъ его и большинство, принадлежащихъ къ этой категоріи. Вино, камелія, *chateau des fleurs*, Издербъ и все это на средства, добытыя такимъ же путемъ, какъ добывается и Ванюшка.

Но для читателя, я думаю, интересно знать, чѣмъ кончилъ Ванюшка свой заемъ у Нюнина.

Онъ, какъ помнитъ читатель, далъ вексель въ двѣ тысячи рублей. Подъ этотъ вексель, какъ объяснилъ Нюнинъ, дали товару, обоевъ, на тысячу рублей. Товаръ этотъ, по просьбѣ Ванюшки, тотъ же услужливый Нюнинъ, продалъ за пять сотъ рублей. Изъ этихъ денегъ, триста рублей уплачены

Нюнину, за взятую на канунъ акцію, да, ему же, закоммисію сто рублей. Итого Ваничка, подъ вексель, въ двѣ тысячи получилъ чистыхъ денегъ двѣсти рублей.

Вотъ каковъ результатъ займа, и какіе займы совершаются ежедневно.

Сегодня Ваничку подцѣпила, компанія съ цѣлью перевести изъ его кармановъ въ свои, оставшіяся отъ послѣдняго займа деньги. Цѣль эта конечно будетъ достигнута, но горевать объ этомъ особенно нечего, такъ какъ завтра же, проспавшись, онъ постарается сдѣлать новой заемъ.

Кто же здѣсь, спрашивается, кого надуетъ?

Этотъ вопросъ предоставляю разрѣшить самому читателю.

II.

ЧЕРНАЯ РѢЧКА.

Не вдалекѣ отъ Новой деревни, по берегу протекающей сзади ея рѣчки, расположены, такъ называемыя, Чернорѣченскія дачи.

Дачи эти, какъ посвоему наружному виду, такъ и по составу населенія рѣзко отличаются отъ Новой деревни. На мѣсто картонныхъ, полуразрушившихся лачугъ, которыми такъ изобилуетъ Новая деревня, здѣсь вы видите чистенькіе, уютные домики; дачники, въ контрастъ Новодеревенскимъ, преимущественно русскіе, большею частію люди семейные и если первыхъ можно назвать матеріалистами, то между Чернорѣченцами, на оборотъ, преобладаетъ идиллія. Последнему, какъ мнѣ кажется, много способствуетъ воздухъ, прилегающаго къ противоположному берегу рѣчки, Строгонова сада, который въ жизни Чернорѣченскихъ дачниковъ играетъ

весьма важную роль. Это, какъ справедливо сказалъ кто-то, пріютъ любви, во всѣхъ ея фазисахъ, начиная отъ перваго пожатія руки и кончая размолвкой.

Сообщеніе между садомъ и дачами производится съ помощію небольшого парома. Паромъ этотъ, съ ранняго утра, ежеминутно, снуетъ отъ одного берега къ другому — перевозя дачниковъ, спѣшащихъ укрыться, отъ лѣтняго зноя, подъ тѣнью столѣтнихъ деревьевъ сада.

Днемъ здѣсь раздается веселый дѣтскій смѣхъ; вы видите группы играющихъ дѣтей и между ними ихъ взрослыхъ сестеръ. Всѣ они—и взрослые и дѣти—веселы, смѣются, бѣгаютъ по саду.

Вечеромъ, когда папеньки и маменьки усаживаются убивать время за зеленые столы, а дѣти улеглись спать, молодежь спѣшитъ къ парому, въ садъ, насладиться прекраснымъ вечеромъ.

Деревья положили на землю какія-то фантастическія тѣни; въ воздухѣ раздаются

трели соловья и пѣсни жаворонковъ. При блескѣ, отражающейсѣ въ водахъ рѣчки, луны, вы видите пріютившуюся на скамѣчкѣ счастливую чету. Вы спѣшите пройти мимо, но до васъ долетаетъ тихое шебетанье нѣжно-влюбленныхъ существъ; слышатся страстные поцѣлуи...

Идете далѣе и наталкиваетесь на другую парочку. Здѣсь разыгрывается сцена ревности. Съ одной стороны сыплется упреки, жалобы на невѣрность, съ другой—раскаяніе, просьбы о прощеніи; и затѣмъ вы опять слышите страстный, долгій поцѣлуй.

Но вотъ наступила ночь; въ воздухѣ сдѣлалось свѣжо и счастливцы, общая другъ другу завтра встрѣтятся, спѣшатъ расходиться подомамъ.

Старики кончили уже играть въ карты, пожурили дѣтей за долгую прогулку, и всѣ, счастливые и довольные идутъ спать, чтобъ завтра вновь начать и провести день, такъ же, какъ провели и сегодня, какъ проводятъ и цѣлое лѣто.

156
54